

Вениамин Кисилевский

Перестройка

ДЕМО
РЕ

ДЕМОКРАТИЯ
—
ПЕРЕСТРОЙКА
—
ГЛАСНОСТЬ

Вениамин Кисилевский

Перестройка

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Кисилевский В.

Перестройка / В. Кисилевский — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

В годы, о которых пойдет речь, слово «перестройка» было на слуху у всех. Перестройку в своей школе задумал устроить и Владик Паршин. Но более неподходящего человека для такого нелегкого дела вряд ли можно было отыскать. Маленький, застенчивый мечтатель, всего лишь семиклассник, к тому же, сильно заикавшийся... Он скорее мог бы лишь загубить саму идею изменить что-либо в закосневшей в своих многолетних традициях и нравах советской школе. Учитывая тем более, какие несравнимо опытные, умелые, заматеревшие были у него противники. И не только директор школы, учителя – большинство одноклассников тоже. Он был первым, а первым всегда трудно, порой вовсе безнадежно...

© Кисилевский В.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

От автора	5
Глава 1	6
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Вениамин Кисилевский

ПЕРЕСТРОЙКА

От автора

Когда появилась у меня возможность издать новую книгу, стал я думать, какую из рукописей опубликовать. Скопилось их у меня за эти годы довольно много, выбор сделать было непросто. Все-таки решил, что печатать книгу буду детскую, хотя пишу в основном для взрослых. Верней, не совсем детскую, а для подростков. И по той причине, что творений для этого возраста на книжных прилавках почти не встретишь, и по причине еще более грустной: число юных читателей (а мне нередко приходится встречаться с ними, заявляю не голословно) с каждым годом зримо уменьшается.

Повесть «Перестройка» написана давненько. Тогда по ряду обстоятельств опубликовать ее не удалось, а сейчас опасался, что не во всем понятна будет она современным ребятам. Многие ли из них представляют себе, какой почти двадцать лет назад была школа? Вообще всё, чего ни коснись. И по меньшей мере наивным может показаться нынешним тинэйджерам, как общались, думали, говорили эти их книжные ровесники, чему радовались, отчего печалились. Но именно поэтому и сделал я этот свой выбор. Должны ведь они знать, чем и как жила в те, не столь уж, кстати, отдаленные, годы наша страна. Ну а все остальное – на суд читателей.

Глава 1

Кузя тронул усатой щекой Владиково плечо, поерзал немного, устраиваясь поудобней, обернулся хвостом и закрыл глаза. Владика всегда поражало кошачье умение погружаться в сон чуть ли не мгновенно. Даже завидовал порой – сам-то засыпал медленно, трудно. Тот же Кузя мешал: в одном положении долго не пролежишь, а перевернешься на другой бок – потревожишь его, убежать может. И плохо, неудобно тогда без Кузи, без его доброго, уютного тепла. Но не в том только дело, что в одиночестве хуже засыпается. Убежит Кузя – поговорить не с кем будет. А он, Владик, привык уже вечерами, когда затихают и квартира, и дом, и двор, и нет, кажется, вообще на земле никого, кроме них двоих, беседовать с верным другом Кузей. Возможно, слово «беседовать» здесь не самое удачное, беседа – это когда говорят двое, но Кузе ведь и говорить ничего не надо, достаточно того, что слушает. А слушает он хорошо, даже когда дремлет – у котов сон чуткий. И все понимает. Все-все. Можете сколько угодно посмеиваться и доказывать обратное, тут его, Владика, все равно не переубедить. Да и не хочет он, чтобы его переубеждали...

Самое необъяснимое, что, разговаривая с Кузей, Владик не заикается. Ну, почти не заикается. Может быть, оттого, что говорит шепотом и не старается не заикаться, просто не обращает внимания? Логопед в поликлинике, куда мама водила его лечить это проклятое заикание, тоже уговаривала Владика «не концентрировать» внимание на том, как он произносит слова, расслабиться, «владеть дыханием», но что-то не очень у него получалось. Особенно в школе, когда вызовут к доске. Да и не нравилась Владиду эта логопедица – вертлявая, тонкоголосая, с ярко накрашенными губами и ногтями. Казалось, надоедает он своими приходами, отрывает от другого, нужного ей дела. А еще недовольна она чем-то все время была, вздыхала, словно Владик нарочно заикается, чтобы ей досадить. Короче, походил он в поликлинику три недели и бросил. Пустое занятие...

– А знаешь, Кузя, – привычным шепотом, чтобы не услышали папа с мамой в соседней комнате, сказал Владик, – я сегодня опять того старичка магазинного встретил, возле школы. Он меня тоже узнал, разулыбался. Спросил, как дела, а я ему отвечаю, что хорошо. «Поёшь»? – спрашивает. – «Пою», – говорю. Он меня похвалил, молодцом назвал. И знаешь, я с ним, когда разговаривал, совсем не заикался, вот как с тобой сейчас. Интересно, правда?

Даже не скажешь сразу, грустной или смешной назвать первую встречу с этим старичком. Он похож был на профессора, верней, на того, каким обычно изображают профессора в старых фильмах: в больших очках, с бородкой клинышком. Владик стоял в очереди за молоком, старичок подошел, спросил у него:

– М-мальчик, ты п-последний?

Обычно Владик заикался на согласных звуках, больше всего на трудноодолимом «п», но тогда вдруг заклинило его на почти безвредном гласном:

– Й-й-й-я, – ответил Владик, судорожно тряс подбородком. «Профессор» чуть сузил глаза, пристально поглядел на него, но ничего не сказал, только головой осуждающе покачал. Владик почувствовал, как раскаляются щеки, подсадовал на себя. Сколько раз зарекался, что там, где можно обойтись без слов, нужно промолчать. Кивнул бы просто в ответ – и делу конец. Скверно получилось – дедушка мог подумать, будто насмеяется Владик над ним. Тут уж отмолчаться было невозможно, и Владик, виновато хлопая ресницами, промямлил:

– В-вы т-только н-не... Я-а, я с-сам...

От волнения и смущения заикался еще сильнее. В очереди на них стали оглядываться, улыбались. Старичок ласково положил ему руку на плечо, дружески качнул, ничего, мол, все в порядке.

Из магазина они вышли вместе. То ли им по дороге оказалось, то ли «профессор» захотел немного проводить его, разговорились. Старичок рассказал, что раньше, особенно в детстве, заикался страшно, слова не мог сказать. У разных врачей лечился, в Москву даже ездил, но без пользы.

– А знаешь, чем выправился? – весело блеснул стеклами очков. – Песнями. Ты ведь, когда поешь, не заикаешься? Вот и я тоже. Беру, понимаешь, книжку подходящую и начинаю петь ее. Прямо по тексту. Часа полтора-два каждый день. По улице иду – про себя напеваю. Только не мелодию одну, а обязательно со словами. До сих пор от этой привычки не могу избавиться. Здорово, скажу тебе, помогло. Это я сейчас в магазине вдруг подкачал, некоторые даже не знают, что я заикаюсь. Да ты и сам сейчас видишь. Ну, конечно, опыт приобрел, дыханием управлять научился.

– Думаете, мне тоже помогло бы? – обнадежился Владик.

– Не думаю, уверен. Тебе и книжки подыскивать ни к чему, уроки-то учить надо. Вот и учи их вслух да нараспев, двойная польза получится.

Владик бережно провел ладонью по мягкой Кузиной шерстке, огорченно вздохнул:

– Я бы с ним еще поговорил, но тут Сыч вмешался. Что за человек! Ну видит же, я разговариваю, с пожилым человеком, так нет, обязательно ему нужно воткнуться!

Вспомнил сегодняшнюю встречу с Сычем, сморщился, точно яблоко кислое раскусил.

Тимоху Сычева Владик не любил. Вот уж дал бог фамилию – не в бровь, что называется, а в глаз. Не бог, конечно, отец дал, но тем не менее. Тимоху, если бы даже у него другая фамилия была, все равно, наверное, Сычем прозвали бы. Очень похож – голова большая, ушастая, глаза круглые, выпуклые, немигающие, рот тонкогубый. А еще недобрый он, Тимоха. И чего злится он, чего дергается, непонятно. Одна ухмылочка чего стоит – презрительная такая, брезгливая. Зато силушкой верзилу Сыча опять же бог или кто уж там не обделил. Самбо занимается, разряд имеет. Любит он «приемчики» показывать. Подойдет к кому-нибудь на перемене:

«Хочешь, приемчик покажу»? И обязательно, когда вокруг зрители, в основном девочки. К Владиду у Сыча особая «любовь», приемчики чаще всего ему достаются. Так на пол шмякнет – еле потом на ноги поднимешься. А все стоят, зубы скалят, будто есть в этом что-то смешное. И Нина туда же...

Сыч приблизился, потянул Владика за рукав:

– Парша, ты мне нужен.

Старичок, словно не заметив Тимохиной бесцеремонности, вежливо раскланялся, пожал заполохавшему Владиду руку и ушел.

– Зачем тебе этот старый хрыч? – выдал фирменную улыбочку Сыч.

Владик не ответил, только зубы крепче стиснул. Давно уяснил уже, что вступать с Сычем в какие-либо дискуссии, пытаться доказать ему что-то – занятие бесполезное. Если сам не понимает человек, не хочет понимать... Лучше всего – отделаться от него поскорей, чтобы не видеть его нахальных круглых глаз, тонкогубой улыбочки.

Сыч, не оглядываясь, зашагал вразвалочку вверх по улице. Не сомневался, что Владик последует за ним. И тот, проклиная себя, покорно плелся чуть позади, как на поводке. Молча дошли до конца квартала, свернули за угол. Неподалеку, прислонившись плечом к стене, поджидал их Денис Полозов, Тимохин дружок.

– Ну? – спросил Сыч.

– Не выходил, – так же коротко ответил Денис.

Сыч неопределенно хмыкнул, дернул плечом и пошел через дорогу на противоположную сторону. Денис вдруг заговорщицки подмигнул Владиду и мотнул головой, чтобы не отставал. Конопатое лицо его сделалось веселым, даже каким-то игривым. Седьмой год учился Владик в одном классе с Полозовым и слишком хорошо его знал, чтобы присоединиться к Полозовскому

веселью. Тем более сейчас, когда с ними Сыч и они явно выслеживают кого-то. Наверняка ведь не для того, чтобы просто время скоротать, позабавиться.

Вслед за Тимохой они вошли в большой двор. В старой, где они жили, части города таких дворов немало. Пройдешь мимо по этой обыкновенной улице – не догадаешься, что, свернув под высокую каменную арку, окажешься во владениях совершенно неожиданных, о которых большинство горожан и не подозревает. Лепятся к толстым стенам неказистые приземистые домишки в два крохотных окошка, убогие и ветхие, какие-то пристройки, сараи, сараюшки. Сыч остановился посреди двора, огляделся. Потом, задрвав голову к окнам третьего этажа красного кирпичного дома, пронзительно свистнул.

– Зря, – буркнул Денис. – Теперь вообще не выйдет, сдрейфит. Лучше было подкараулить. Ему же в школу все равно идти, никуда бы не делся.

– Не зря, – цыкнул слюной Сыч. – И так никуда не денется. Пусть, дешевка, знает...

Договорить он не успел – из подъезда показался белобрысый пацанчик в синей школьной форме. Судя по тому, как оцепенел, заведев стоявшую перед ним троицу, ни в окно их не увидел, ни свиста не слышал, – спускался в это время по лестнице. Владик его вспомнил – тот учился в их школе, на два класса младше. Раньше, когда в одну смену ходили, встречал иногда в школьном дворе или коридоре. Прямой больно, волосы как солома и всегда рот до ушей. Несколько мгновений белобрысый ошарашено глядел на них, затем попятился, словно надумал вернуться домой. Но встретился взглядом с немигающими глазами Сыча, еще сильнее побледнел и обреченно сделал первый трудный шаг навстречу.

Сыч, как недавно с Владиком, молча повернулся и, поигрывая плечами, двинулся к выходу из двора. Теперь уже трое, шаг в шаг, следовали за ним. Достигнув арки, Сыч резко повернулся и тихо, едва размыкая губы, спросил:

– Принес?

Пятиклассник вытянул стебельковую шею, сглотнул, раскрыл рот, но только скорбно вздохнул.

– Принес? – громче повторил Сыч и набычился. Белобрысый заговорил, тоненько, торопливо, давась словами. Владик видел, что он не просто испуган – трясется от страха. Сбивчиво, путаясь и повторяясь, пацаненок жаловался, что негде взять ему столько денег, рассорился и с мамой, и с бабушкой, но обязательно достанет, только попозже, пусть Сыч еще немного подождет.

– Какое сегодня? – перебил его Тимоха.

– Чего? – не включился сразу белобрысый.

– Число, спрашиваю, сегодня какое? Месяц, год какой, знаешь?

– Двенадцатое октября, – пискнул тот. – Восемьдесят седьмой...

– Во-во. А срок тебе был до десятого. Память плохая? Так я ее тебе сейчас подлечу.

– Я принесу! – быстро выговорил белобрысый.

Владик, ростом предпоследний у себя в классе, о чем печалился не меньше, чем о заикании, почти на полголовы возвышался над ним, маленьким и тщедушным. Пацанчик еще больше втянул голову в плечи, но поймал вдруг сострадание во Владиковых глазах и, с искрой надежды, обратился теперь к нему:

– Я принесу, честное слово принесу!

– Конечно принесешь, – неожиданно ласково, миролюбиво сказал Сыч. – Не захочешь ведь без глаза остаться. Но договор дороже денег. Придется тебе небольшой авансик выдать, чтобы память лучше работала.

Владик понял, что белобрысого сейчас будут бить. Собственно, для этого Сыч с подлипалой Денисом сюда и заявились. Непонятно только, зачем они взяли с собой его, Владика, вдвоем, что ли, не управились бы? И так жаль стало перепуганного пацанчика – аж сердце

сжалось. И не помочь ничем... Белобрысый не хуже Владика представил себе, что последует за Сычевыми словами, шумно задышал и промямлил совсем уже смехотворное:

– Я в школу опаздываю, звонок уже, наверное, был...

– Никуда твоя школа не денется, – уже почти нежно пропел Тимоха, взял белобрысого за руку повыше локтя и едва заметно подмигнул Полозу. Денис тут же с готовностью ухватился за его другую руку, возбужденно покраснел. – Бей, Парша! – сказал Сыч Владика.

– К-кого? – глупо спросил Владик, хотя без труда сообразил, чего хочет от него Тимоха. Равно как и то, зачем привел его сюда. Одного только не мог понять: почему роль «палача» отвели именно ему.

– Не меня же, – осклабился Тимоха. – Давай, не боись, у нас не вырвется.

Пацанчик затравленно смотрел на Владика, светлые глаза до краев наполнялись слезами.

– П-почему я? – похолодел Владик. И тут же непреклонно мотнул головой. – Я н-не стану! И во-вообще... – Круто повернулся, но успел сделать не больше двух шагов.

– Стоять! – пригвоздил его к земле резкий оклик Сыча, Владик оглянулся. Тимоха одним прыжком поравнялся, сжал в кулаке воротник его куртки. – Слушай, ты, во-вообще! Со мной такие номера не проходят! Делай, что велено, а то... Ты ж меня, Парша, знаешь!

Владик молча рванулся, но Сыч держал крепко.

– Значит, не-не бу-будешь? – криво усмехнулся Тимоха. – Не пожалеешь потом? – Ничего в ответ не услышал, и вдруг его темные, на выкате глаза недобро сузились. – Ах ты ж!..

Сыч рывком подтащил Владика к пацаненку, поставил их лицом к лицу, приказал тому:

– Власть переменилась. Врежь тогда ты ему пару разочков, чтобы поумнел.

Белобрысый отчаянно заморгал, и от этого движения переполнившиеся глаза слезы потекли по щекам.

– Ну?! – выпалил Сыч. – Сейчас не только аванс, все сполна получишь! – И замахнулся.

Голова пацаненка дернулась назад, будто удар уже пришелся по его лицу. Медленно занес ватную руку и вяло ткнул Владика в подбородок.

– Кто ж так бьёт-от? – хекнул Тимоха. – Слизняки вонючие! Показать? – И брезгливо мазнул ладонью по носу пацаненка.

Из левой ноздри часто, капля за каплей, закапала кровь. Белобрысый провел дрогнувшей рукой по лицу, какое-то время заворожено смотрел на испачканные кровью пальцы. Влажно всхлипнул и хлопнул Владика по щеке. Сыч, по-прежнему не выпускавший воротник Владиковой куртки, коротко, отрывисто засмеялся.

– Чего стоишь, Парша? Самолюбия, что ли, нет? Такая мелюзга тебя колотит, а ты терпишь?

Владик думал только об одном: не расплакаться, не разреветься перед ненавистным Сычем, перед заржавшим Денисом. Но почувствовал, что не удастся. Предательски запершило в горле, кончик носа остро заклевали сотни крохотных невидимых иголок. Рванулся еще раз, изо всех сил, затрещала рвущаяся ткань...

Он бежал по улице, размазывая судорожно сжатым кулаком едкие, горячие слезы, больно тыкался в колено новенький «дипломат» подаренный родителями к началу учебного года. Мог бы, конечно, заскочить в любую подворотню, отплакаться там, вытереть зареванные глаза и мокрое лицо, но не в состоянии был остановиться, хоть на секунду прервать спасительный бег. Будто, если остановится он, все недавно минувшее с утроенной силой навалится на него, будто таилось в этом безостановочном движении какое-то странное, непонятное облегчение...

Вечером, когда заканчивал в одиночестве ужин на кухне, услышал голоса из комнаты. Разговаривали они тихо, но Владик разобрал почти все слова. Мама зашивала воротник его куртки, отец расхаживал от окна к двери.

– Неужели подрался? – удовлетворенно басил отец. Владик представил, как он любовно приглаживает густые усы, что делал всегда, если бывал чем-то доволен. – Ну, слава богу! А то

уж такой тюха у нас растёт... Парню четырнадцать скоро. Не в нашу, не в паршинскую породу пошел Владька.

– Вот и хорошо, что не в вашу, – отвечала мама. Следующую фразу произнесла невнятно, наверное, откусывала нитку. – Достойный, интеллигентный мальчик растёт. Не в кулаках сила.

Владик сморщился, раздраженно двинул по столу тарелку...

– Не спишь, Кузя? Так он, значит, спрашивает меня: «Поёшь»? Пою, говорю. Похвалил, молодцом меня назвал. Тут Сыч подвалил. Нужен я вдруг оказался. Я ему: Не видишь, что ли, нахалюга, с человеком я разговариваю? Кто тебя только воспитывал? Скис наш Тимоха сразу, отошел в сторонку. Я старичка проводил немного, оглянулся: Сыч сзади плетется. Чего тебе? – спрашиваю. Сыч говорит: «Дело есть непростое. Мне тут, недалеко, с одним пацаном разобраться нужно. Может, подсобишь?» Ну, время у меня было, отчего ж, думаю, не помочь, хоть и гад он, этот Сыч. Пошли мы с ним, еще Денис увязался за нами. Заворачиваем во двор, выходит, значит, тот самый пацан...

Владик представлял все ярко и отчетливо, до мельчайших подробностей. Белобрысый выходит, видит их троих, пугается. Владик уверенно кивает ему, чтобы тот не беспокоился, слушает, как Сыч требует у пацаненка какие-то деньги. Тот оправдывается, что нет у него, обещает отдать позже. Сыч наглеет, замахивается на пацаненка. Белобрысый боязливо втягивает голову в плечи, на глаза наворачиваются слезы. Дальше Владик терпеть такое безобразие не может.

– Иди в школу, – говорит он пацаненку. – Не бойся, ничего они тебе не сделают.

Сыч до того разозлился, что забыл даже, с кем дело имеет. Наступает на Владика, тарашит свои рачьи глаза.

– Много на себя берешь, Парша?

– Не Парша, а Паршин, Владислав Паршин, – спокойно возражает ему Владик. – И впредь прощу не забывать. Еще раз скажешь это поганое слово – уши надеру. И попробуй только пальцем малого тронуть. Чтоб потом не обижался, понял?

Белобрысый смотрит на Владика с признательностью и восхищением. Полоз от бессильной злости зубами скрипит. И тут Сыч вконец забывается. Размахивается – и целит кулаком Владика в лицо. Только не на того напал. У Владика реакция – не этому самбисту зачуханному чета. Р-раз! – и он, Владик, каратистским приемом отбивает несущуюся к нему руку. Два! – принимает красивую, мужественную стойку. Неуловимое движение – и Сыч грохается на землю, как полупустой мешок с гнилой картошкой. Мы тоже кое-какие приемчики знаем!

Пацаненок с обожанием глядит на Владика.

– Иди-иди, в школу опоздаешь, – снисходительно улыбается Владик. – Изредка наглецов необходимо ставить на место, чтобы не зарывались. Заодно и другим не повадно будет.

Денис Полоз явно принимает эти слова на свой счет, трусливо смотрит на Владика. Тот, прихвостень Тимохин, подлипала несчастный! О такого даже руки противно марать. Дал ему Владик пинка под зад, тот заныл сразу, губами зашлепал:

– Ты чо, ты чо, чего я такого сделал?

Вообще-то он, Владик, против мордобоя и, может быть, права мама: не в кулаках сила. Но не стоять же, когда какой-то гнусный Сыч руками на тебя машет. И, опять же, проучить иногда подлеца не помешает. А уж в том, что Сыч подлец, да и Денис недалеко от него ушел, можно не сомневаться. Любого в классе спроси.

Наверное, плечо у Владика дернулось, потому что Кузя зашевелился, приоткрыл глаза.

– Это еще не всё, Кузя! – радостно зашептал Владик. – Он, самбист великий, с земли вскочил, снова хотел на меня рыпнуться, но я ему так наподдал, что всякую охоту отбил. Раз ему! Раз! Я ему не пацаненок из пятого класса, над которым изгаляться можно!

Кот утробно муркнул и снова зажмурился.

Владик замолчал, сердце колотилось гулко и часто, сбивалось дыхание, словно в самом деле только что подрался. И плыло, плыло перед закрытыми уже глазами Тимохино лицо. Но не жалкое и плаксивое, которое придумал Владик, «расправляясь» с ним, а другое, настоящее, презрительное, с каким глядел Сыч в том злополучном дворе... Как хорошо, что завтра воскресенье, не надо идти в школу, встречаться с Тимохой, с Денисом...

Глава 2

Все-таки удивительно, до чего необъяснимо устроен человек. По утрам мама чуть ли не силой отрывала его от подушки. Досадовала, причитала, что на работу из-за него опаздывает. Вставать ужасно не хотелось, даже просто держать глаза открытыми не хватало сил. С первого сентября этого года, как начал учиться в первую смену, каждое утро превращалось в маленькую пытку. И надо же – в воскресенье, единственный день, когда спать можно сколько угодно, он, Владик, всегда просыпался рано. Иногда удавалось снова заснуть, но очень редко. Владик посмотрел на часы – маленькая стрелка еле переползла через семерку. Кузи рядом не было, убежал, наверное, к маме на кухню, чтобы покормила. Перевернулся на другой бок, свернулся, как любил, калачиком, снова закрыл глаза. Полежал немного, подождал – сон не приходил. Зато пришло, и не в первый уже раз, другое...

Были мысли, которые он не доверял даже Кузе. И если случалось, рассказывая о какой-нибудь школьной истории, произносить ее имя, старался делать это ровным, обыденным голосом. Как поразила бы, да нет, не поразила бы, а что еще хуже, посмеялась бы Нина Валеева, узнав, что он думает о ней. Смеет думать. Он, Владик Паршин – о ней!

Нина самая красивая девчонка в классе. А может быть, и в школе. Не зря же все ребята на нее заглядываются. Владик однажды видел, как разговаривает с ней, улыбочки отпускает да усики пощипывает сам Игорь Загоруйко из девятого «В», вратарь городской юношеской сборной. Вот был бы он, Владик, таким же, как этот Игорь, – высоким, плечистым, самоуверенным...

Вот он идет по улице – чуть враскачку, спортивной, вальяжной походочкой. Его узнают, ловит он восхищенные взгляды встречных пацанов и девчонок.

– Привет, Владик! – здороваются о нем даже, кажется, незнакомые.

– Салют! – привычно вскидывает он сильную, широкую ладонь. Спортивная сумка, адидасовская, небрежно перекинута через мускулистое плечо.

– Здравствуй, Владик.

Знакомый голос. Она, Нина. Прижалась спиной к стене, лицо полыхает, глаза блестят, синие-синие.

– А я в магазин шла, случайно тебя увидела. – Совсем заалела.

Ой, Нинка, Нинка... Совершенно ты врать не умеешь! За километр видно. И ни в какой магазин ты не шла, стояла тут, поджидала. Ладно, подыграем ей, а то вконец засмушалась девчонка.

– Здорово, Нинок. Да здравствует Его Величество Случай.

– Погода сегодня хорошая... – беспомощно лепечет Нина. Глаза у нее говорящими сделались: «Ну же, ну, скажи тоже, что да, погода отличная, что в такой погожий денек не плохо бы погулять!»

Владик смотрит на часы с изящным браслетом, красивые, японские, задумчиво потирает высокий мыслительный лоб:

– Вообще-то, я на тренировку иду, но времени свободного немного есть. Можно через парк пройти, воздухом подышать.

Господи, до чего же ей хочется прогуляться с ним по осеннему парку, вдвоем. Но откровенно навязываться остатки гордости не позволяют. Надо ее выручать.

– Проводишь немного меня, если магазин твой не горит?

Молодец Нина. Не воскликнула радостно, не засмеялась счастливо, только вздохнула облегченно и улыбнулась ему. Хорошо-хорошо улыбнулась.

Пушкин, известно, любил осень, такие стихи ей посвящал. Владик, конечно, не Пушкин, но тоже любит осень. Верней, не любит, а как-то очень близка она ему, особенно когда не

дождливая, тихая, как сейчас, грустная. И печаль ее светла. Печаль светла... Лучше Пушкина не скажешь...

Они, плечо к плечу, бредут – лучше бредут, чем идут, красивей – по безлюдному осеннему парку. На первый взгляд все вокруг зеленое, но только на первый. Пробивается уже краснинка на резных кленовых листьях, чуть отсвечивают теплой желтизной тонкие березы. И мягко, вкрадчиво шуршат под ногами первые, самые слабые или самые нетерпеливые, павшие листья. Некоторые почему-то совсем зеленые, не тронутые радужными красками осени. Владик пружинисто наклоняется, поднимает особенно красивый, опаленный по краям кленовый листок, церемонно вручает притихшей Нине. Говорит, нисколько не заикаясь:

– Это вам, сударыня.

Нина лукаво улыбается, принимает величественный вид светской дамы, вычурно приседает, отводя руки, – реверанс называется.

– Спасибо, мой великодушный рыцарь! – Прижимает листик к сердцу, томно вздыхает.

И ничего будто бы такого уж смешного не произошло, подурачились немного, но оба смеются так безудержно, так заразительно – слезы на глазах выступили. Сразу делается легко и просто, они шагают, взявшись за руки, по разноцветной парковой аллее, болтают о всякой ерунде, говорят, говорят, наговориться не могут. Нина поворачивает к нему светлое лицо, улыбается своими неправдоподобно синими глазами и негромко произносит...

– Проснулся, Владик?

Мама... Так замечтался, что даже не расслышал, как она вошла в комнату. У мамы удивительная интуиция. Как она догадалась, что он не спит, если лежит, отвернувшись к стенке, еще и с закрытыми глазами? Главное, на самом интересном месте... Можно, конечно, сделать вид, будто все-таки спит, не слышит, но нет смысла... Все равно не вернуться ему теперь с Ниной в пустынный осенний парк, не узнать, что хотела она сказать...

– Не спишь ведь, я же вижу, не притворяйся! – Владик почувствовал в ее голосе улыбку.

– Сплю, – буркнул он, не поворачиваясь.

– Вставай, сынок, на базар сходишь, – тронула его за плечо мама. – Я, пока есть горячая вода, стирку затеяла.

На базар... Хуже не придумаешь. Маяться в базарной толчее, протискиваться в шумные, крикливые ряды, выискивать, озираться, заикаться... Не велика, казалось бы, разница между магазином и базаром – те же ненавистные очереди и те же люди, – но Владик лучше десять раз в магазин сходил бы, чем один раз на базар. И сопротивляться бесполезно – у мамы в самом деле стирка, а папа... В общем, папа на базар не пойдет. Единственное, что Владик мог себе позволить, – потянуть немного время. Притерпеться, свыкнуться с мыслью, что все равно никуда от этого рынка не деться, но только не тут же, не вдруг. Повернулся, просительно посмотрел на маму:

– Ма, посиди со мной.

Раньше мама с ним часто «сидела». И вечером, перед сном, и утром, если удавалось. А уж по воскресеньям, когда никуда спешить не надо, обязательно. Присаживалась на край диванчика, сначала растрепывала, а потом приглаживала его волосы, всегда находилось о чем потолковать, посудачить, похихикать. Тихо, сокровенно, когда больше значат не слова, а взгляды, улыбки, прикосновения. Даже молчание. Потом – сразу и не скажешь почему – посиделки их стали редкими, от случая к случаю, а в последнее время вообще считанными. Он ли, Владик, тому виной, мама ли – но тем не менее.

– В другой раз, сынок, – вздохнула мама. – Сейчас некогда. Мне вас кормить нечем, в доме ни одной картошины. Ой, у меня ж там вода льется! Давай, давай, Владик! – И выбежала из комнаты.

Оставшись один, Владик с минуту полежал еще, уставившись в пустой белый потолок немигающими глазами, затем медленно спустил ноги на пол. Не впервые, но сегодня больше обычного подосадовал, что мама не побыла с ним, не приласкала, не понежила.

На память он не жаловался. Можно даже сказать, хорошая у него память. Стихотворение два-три раза прочтет – и запомнил, номера телефонов не забывались. Но для базаров-магазинов, наверное, какая-то особая память нужна: обязательно что-нибудь из намеченного мамой не купит. Так уже не один раз бывало. Поэтому мама писала ему на бумажке, что он должен принести. С одной стороны, удобно, но с другой – заметит кто-нибудь из класса, например, как он шпаргалку вычитывает, посмеется над ним. Семиклассник...

Список на этот раз был коротким. На базаре – только картошку, капусту и зелень. Но еще молоко и хлеб, а это в двух разных отделах. Придется в магазин с полной авоськой тащиться. А если сначала в магазин сходить – потом с бутылками на базар... Извечная, в общем, проблема.

Сначала ему везло. Быстро подошел троллейбус, картошки продавалось много, безо всякой очереди – выбирай любую. Тут же, неподалеку, на малолюдной рыночной окраине, приобрел остальное. Не очень-то хорошее, зато не нужно толкаться. А на обратном пути успел с раздвнувшейся уже сеткой вскочить в трогавшийся с места троллейбус. Не доехал одну остановку до дома, пошел в продуктовый. С хлебом проблем не было, но в молочный выстроилась, человек в пятнадцать, очередь. Благо еще, пустыми бутылками мама в этот раз не нагрузила. Владик вздохнул, переложил тяжеленную авоську из одной руки в другую, двинулся к молочной секции и... встретился взглядом с Ниной.

Не высокий и не плечистый, не с фасонистой спортивной сумкой через плечо, а с грязной картошкой в пузатой сетке, увенчанной растрепанным капустным кочаном, с хлебной буханкой под мышкой... Ну чего здесь, вроде бы, такого? Совершенно естественно, что он и на базар ходит, и по магазинам, как все другие ребята, как та же, например, Нина Валеева. Но смутился вдруг так – вспотел даже.

Нина выглядывала из середины очереди, незаметно махала ему рукой. И когда он, стараясь не крениться под тяжестью авоськи, приблизился, сказала стоящей за ней женщине:

– Этот мальчик занимал за мной.

Женщина с неудовольствием оглядела Владика, но промолчала.

Как, однако, непредсказуема и хитра судьба, как непостижимо и затейливо переплетаются ее тонкие нити, образуя коварные узелки в самых неожиданных местах. Не пошли его мама с утра пораньше за покупками – не оказался бы сейчас, именно сейчас, в этом магазине. Не успеет он вскочить в последнюю секунду на подножку троллейбуса на базарной остановке, дождись другого, Нина могла уйти, не встретились бы. Да здравствует постылая очередь в молочный отдел. Ни в школе, ни на улице он ни за что не рискнул бы подойти к Нине, не заговорил. А уж о том, что она с а м а его позовет, только мечтать можно. Целых десять или даже больше минут он побудет рядом, совсем рядом с ней. В д в о е м побудет, очередь не в счет. Если бы еще не эта треклятая авоська, не узкая жесткая лямка, впившаяся в ладонь! Но сменишь руку – уткнешься картошкой в Нину. Потому и не встал он ни впереди, ни позади нее, переминался с ноги на ногу сбоку.

Не давала покоя еще одна мысль. Он, Владик, и так сантиметров на пять меньше Нины, а вдавленный в землю злополучной сеткой еще ниже делается, как ни тянись, как ни задирай подбородок.

– Да поставь ты ее, чего корячишься? – кивнула на сетку Нина.

Он и сам об этом подумывал, но знал, что только хуже будет. Картофелины во главе с кочаном обязательно разлетятся по полу, станет потом на глазах у всех ползать, собирать их. К тому же, очередь не на одном месте стоит, движется.

– Она-а-а, – с гласной, с разбега, чтобы не заикнуться, начал Владик и быстро, удачно приставил: – Рассыплется!

– Не под ногами, вон туда отнеси, к стеночке пристрой, – показала Нина на свободный угол возле окна.

Вот уж действительно – такая элементарная мысль самому ему в голову не пришла!

Наконец-то вся картошечная нервотрепка закончилась, хлебную буханку он погрузил в другую выделенную мамой авоську, почувствовал себя более или менее сносно. С тележкой, высоко заставленной пустыми бутылками, появился магазинный подсобник, заросший неряшливой щетиной. Бесцеремонно покатыл прямо на людей, хмуро прохрипел очереди как одному человеку:

– А ну сдай!

Люди безропотно задвигались, вытягиваясь в струнку, прилипая к прилавку, чтобы освободить проход. Владик – вовремя избавился от сетки! – втиснулся позади Нины, и когда она, заговорив, повернулась к нему, даже сердце заколотилось, как упругий хвост выброшенной на берег рыбы.

Но как ни был он взволнован, все равно заметил, что Нина выглядит как-то необычно. Улавливалось в лице ее, в разговоре, в повороте головы что-то новое, беспокойное. Всегда уверенная, величаво-снисходительная, сегодня она как-то поблекла, затуманилась. И вот такой, «приземленной», нравилась ему еще сильнее, и меньше робел он, не чувствовал всей безмерной глубины разделявшей их пропасти.

– Не знаешь, – спросила Нина, – в больницу со своим халатом приходиться надо, или там дают?

– Э-зачем в больницу? – не смог сразу включиться Владик.

– Мама у меня там, – пожаловалась Нина. – Ночью «скорая» увезла. – Посмотрела на расширившиеся Владиковы глаза и добавила: – Желчный пузырь, сказали. Представляешь? Ты случайно не в курсе: это очень опасно? Оперировать будут?

Его познания в лечении желчного пузыря были нулевыми. Даже не представлял толком, где он там внутри находится. Виновато пожал плечами и сморщился, сетуя на себя, что не может оказаться ей полезным.

– А что приносить туда нужно при желчном пузыре, тоже не знаешь? – безо всякой уже надежды спросила Нина. – Ну, молоко ей куплю, творог... Сгодилось бы, наверное, еще фрукты какие-нибудь, хорошие, с базара...

– Э-э... фрукты при всех болезнях хорошо, – сумел хоть что-то путное изречь Владик. – А разве твой п... – И с ужасом понял, что «папа» ему не сказать, как бы ни старался, как ни тужился.

Но Нина сама догадалась:

– Звонила я отцу утром, никто трубку не берет. Уехали, видать, куда-то.

Фраза эта была настолько сложной для понимания, что в другое время он вряд ли сходу в ней разобрался бы, но сейчас, весь наэлектризованный, мгновенно уяснил что к чему. Решающую роль сыграло явно не относившееся к ее отцу «уехали», сказанное во множественном числе. И что она ему з в о н и л а в воскресенье утром... Нинину маму Владик знал – маленькую, тоненькую, похожую на подростка женщину. Отца же, за все школьные годы, видел раз или два: рослого, скуластого, с темными насмешливыми глазами. Но о другой его семье – теперь в этом можно было не сомневаться – понятия не имел. Да и откуда ему, Владиду? Не в тех, увы, он с Ниной отношениях, чтобы стать посвященным. Почувствовал неожиданно острую, щемящую жалость, захотелось для нее сделать что-нибудь хорошее, нужное, теплое. Но что он мог? Выпалил единственное пришедшее в голову, ожесточенно стукнув ногой по полу, чтобы не застревали слова:

– Хочешь, я на базар с тобой? – Слово «поеду» на всякий случай опустил.

– Давай, – согласилась Нина.

Понимал Владик, прекрасно понимал, что не он ей сейчас нужен, а просто не хочет Нина остаться в одиночестве, даже ему рада, но сердце до краев наполнилось светлой, незамутненной радостью. И благодарностью к ней, Валеевой Нине, «приблизившей» его к себе.

– Т-так ты совсем дома одна осталась? – спросил Владик, когда вышли они из магазина.

– Нет, я с дедушкой, только у него ноги больные, он из квартиры не выходит.

Владик поудобней перехватил лямки авосек и деланно бодрим голосом произнес:

– Н-ну, на базар?

– Да куда ж тебе такому навьюченному? – засомневалась Нина. – Иди домой, разгрузись.

Идея была неплохая, но Владик с места не тронулся, тревожно уставился на сиятельную одноклассницу. И снова она выказала свою проницательность, впервые улыбнулась:

– Не бойся, подожду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.